

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

DOI 10.21672/1818-510X-2019-61-4-009-015

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЭМБЛЕМЫ В РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СФРАГИСТИКЕ НА ПРИМЕРЕ ПЕЧАТИ 1497 г.

Закутнов Олег Игоревич, кандидат исторических наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: zakutnov-oleg@mail.ru

Рассматриваются различные точки зрения отечественных и зарубежных исследователей о причинах появления первых государственных эмблем на красновосковой печати, привешенной к грамоте 1497 г.: всадник, поражающий копьём дракона, на лицевой стороне и двуглавый орел – на оборотной стороне. Приводятся и рассматриваются внешнеполитические и внутригосударственные причины использования данных эмблем на печати 1497 г. Анализируется объяснение символики этих эмблем в отечественной и зарубежной литературе.

Ключевые слова: красновосковая печать 1497 г., герб, государственный герб, всадник поражающий копьём дракона, двуглавый орел, символ, эмблема

THE STATE EMBLEM OF THE RUSSIAN MEDIEVAL SPHRAGISTICS FOR EXAMPLE PRINT 1497

Zakutnov Oleg I., Ph. D. (History), Associate Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: zakutnov-oleg@mail.ru

This article discusses the different points of view of domestic and foreign researchers about the reasons for the appearance of the first state emblems on the reddish seal attached to the charter of 1497. The horseman striking a dragon with a spear on the front side and the double-headed eagle on the back side. Lists and discusses the foreign and domestic causes of the use of these emblems on the seal of 1497. Analyzes the explanation of the symbolism of these emblems in domestic and foreign literature.

Keywords: red wax seal of 1497, coat of arms, state emblem, horseman striking a dragon with a spear, double-headed eagle, symbol, emblem

Эмблемам и их символическому смыслу в средние века придавалось огромное значение. Особая роль отводилась знакам, олицетворяющим понятие государства, верховную власть государя, идею его господства над подданными [14, с. 195]. Среди государственных символов первенствовали эмблемы, составляющие отличительный знак государства – государственный герб. Подбор эмблем государственного герба, определение их сочетания, пропорций, цветов относилось к компетенции высшей государственной власти. Государственный герб являлся важной составной частью института внешнего оформления верховной власти. При помощи эмблем герб наглядно выражал идеи, господствующие в государственной политике в момент его установления, отражал внутригосударственные устремления и внешнеполитические замыслы.

Наиболее ранним известным памятником, донёсшим сведения о первых русских государственных эмблемах – двуглавый орёл и всадник, поражающий копьём дракона, – является двусторонняя красновосковая печать, привешенная к грамоте 1497 г. Жалованная меновная и отводная грамота вел. кн. Ивана Васильевича князьям волоцким Федору и Ивану Борисовичам на волости Буйгород и Колпь, применённые им великим князем [14, с. 195].

Рис. 1. Государственная печать Ивана III: а – лицевая сторона; б – оборотная сторона

На лицевой стороне печати изображался всадник, поражающий копьём дракона, в круговой надписи располагались имя и начала титула великого князя: «ИОАНЪ Б(о)ЖИЕЮ МИЛОСТИЮ ГОСПОДАРЬ ВСЕЯ РУСИ И ВЕЛИКИЙ КН(я)ЗЬ», а на оборотной стороне – двуглавый дважды коронованный орёл с распростёртыми крыльями и продолжение титула: «ВЕЛИКИЙ КН(я)ЗЬ ВЛАД(имирский), И МОСК(овский), И УГО(рский), И ВЯТ(ский), И ПЕР(мский), И БОЛ(гарский)» [3, с. 112].

Печать Ивана III, привешенная к грамоте 1497 г., впервые представила в едином комплексе две государственные эмблемы – двуглавый орёл и всадник, поражающий копьём дракона. В отечественной литературе давалась оценка самому факту её появления, отмечалось, что последний находился в связи с другими актами «идеологической политики великокняжеской власти» [10, с. 390–391]. Предполагаем, что правомерно рассматривать начало практики применения общегосударственной печати в качестве действия, направленного на укрепление политического престижа Ивана III как государя суверенного государства, аналогичного по своей сути ряду мероприятий русского правительства, наблюдающихся в последней четверти XV в. и нашедших отражение в соответствующих моментах, придворного церемониала, выпуска золотых монет различных номиналов, усложнении и пышности титула, коронации в 1498 г. внука великого князя.

Вместе с тем представляется справедливым подход к эмблемам, изображённым на печати, как к своеобразным иллюстрациям идей официального порядка. В частности, в отечественной и зарубежной литературе давно уже утвердилось мнение, что изображение двуглавого орла на печати Ивана III являлось внешним выражением идеи преемственности власти московскими государями из Византии, иначе говоря, связывалось с теорией «Москва – Рим». Вследствие разработки отечественными учёными вопросов идеологии Русского централизованного государства, выявления в качестве одной из основных историко-политических идей в конце XV в. теории, включающей историю России в контекст всемирно-исторического развития, несколько изменилось отношение к эмблеме двуглавого орла, которая стала рассматриваться как результат знакомства с оформлением государственной власти в других странах: в Византии, в южнославянских государствах, где «наблюдалась византийская традиция оформления государственной власти» [18].

Первым обратил на данную печать внимание Н. М. Карамзин, отметив, что символика русского государственного герба ведёт начало именно от данной печати. В общих чертах излагалась следующая версия возникновения герба Русского государства: в результате брака Ивана III с Софьей – племянницей последнего византийского императора Константина Палеолога (1472 г.) – произошло слияние московского герба с гербом Византийской империи, в результате чего возник (в 1497 г.) герб Русского государства. Данная версия основывалась на традиционном представлении о причинах и времени появления государственного герба [5].

В формировании этого представления значительную роль сыграли исследования В. Н. Татищева. Относительно государственного герба Татищев отмечает, что о принятии Иваном III герба из Византии он прочитал «в старой Гистории Соловецкого монастыря». Вероятно, в известной степени сомневаясь в достоверности излагаемой им версии, неоднократно подчёркивая, что наши «истории... о гербе не вспоминают» [15, с. 427].

Н. П. Лихачёв, изучая вопрос о двуглавом орле на русских государственных печатях, высказывал свои сомнения в версии заимствования Иваном III государственной печати с двуглавым орлом из Византии. В результате исследования печатей византийских императоров Лихачёв пришёл к выводу, что императорскую печать «все-таки нельзя признать государственной печатью в том смысле, как мы понимаем это в настоящее время. На ней не было никакой отличительной государственной эмблемы. Это была, как-никак, печать монарха, а не византийской монархии при том или другом императоре» [9].

Двуглавый орёл не являлся государственной эмблемой Византии, т. е. не имел отношения к внешнему оформлению верховной власти, как это было во многих странах Западной Европы и в Русском государстве. Основанием для такого утверждения служит отсутствие двуглавого орла как государственного знака на монетах, печатях, надгробиях, на щитах или одежде императорской охраны. Однако категорически отрицая использование двуглавого орла как знака власти византийских императоров, исследователи признают возможность использования данной эмблемы, например, морейскими деспотами, один из которых был отцом будущей супруги Ивана III. Сходство иконографического типа этого орла с изображением, помещённым на печати Ивана III (во всяком случае, это сходство больше, чем с габсбургским орлом), позволяет предположить, что он является прототипом фигуры первой русской государственной печати [7].

Свидетельства о стремлении Ивана III поставить себя наравне с первым монархом Европы, которые донесли до нас документальные материалы о дипломатических отношениях Русского государства со Священной Римской империей, общеизвестны, они неоднократно вводились в оборот историками. Существуют факты, свидетельствующие о подражании не конкретному государю, а западноевропейским монархам вообще: ведь и новый титул Ивана III приравнял его сначала «к великому князю литовскому, а затем и к императорам Священной Римской империи», отражая по своей идее западноевропейскую практику; церемониал приёма послов проводился Иваном III на западноевропейский манер [10, с. 34]; по западноевропейскому образцу чеканены Иваном III золотые монеты – «реплики иностранных монет»: по типу венгерского дуката и английского нобля, излюбленных монет Западной Европы; в литературных памятниках конца XV в.; в публицистике отражается попытка связать происхождение русских государей с римскими императорами [17, с. 119], а поскольку подобная традиция существовала и в других европейских странах, данная теория подчёркивала родство русского государя с правительствами западноевропейских держав.

В качестве государственного символа двуглавый орел принимается Иваном III лишь в течение последнего десятилетия XV в. При объяснении этого факта, несомненно, заслуживает внимания точка зрения Г. Алефа, который подчёркивал, что двуглавый орел вряд ли бы стал эмблемой на печати Ивана III, если бы последний не знал, что подобная эмблема «идентифицирует высокое положение западных императоров». В трактовке Г. Алефа, который решительно отвергает мысль о простом копировании Иваном III печати императоров Священной Римской империи, изображение на печати Русского государства двуглавого орла свидетельствует о желании «Москвы выразить равенство с западными странами, особенно с императорским домом Габсбургов» [14, с. 204]. Подобная версия убедительна, тем более сам принцип оформления верховной власти при помощи данной эмблемы был к этому времени известен на Руси, но на великокняжеской печати эмблема не использовалась.

Существующее в литературе объяснение символики этой эмблемы: знак одновременности правления двух императоров, знак притязания на два государства или претензий на императорский трон, наконец, объявление орла, а вместе с тем и двуглавого орла символом, олицетворяющим идею всемирной империи – не противоречит факту широкой популярности эмблемы двуглавого орла во многих странах Европы.

Западноевропейские монархи, основывающие свою власть на концепции мировой истории, зафиксированной хронистами, считали себя потомками римских императоров. В процессе утверждения этой концепции, её совершенствования и детализации возник и символ императорской власти в виде двуглавого орла и ко второй половине XV в., судя по государственным печатям, утвердился в качестве герба Священной Римской империи [1, с. 110–111].

Теория происхождения русских государей от императора Августа, по мнению ряда российских исследователей, оформилась в начале XVI в. Однако символическое выражение этой теории существовало уже в Русском государстве в XV в. В этой связи представляется исключительно заслуживающей внимания точка зрения тех учёных, которые считают, что уже в XV в. существовало или существовали литературные произведения политического характера, обосновывавшие родство русских князей с римскими императорами [10, с. 388]. Литературное оформление идеи высокого происхождения русского государя, равенства его по рождению с западноевропейскими правителями, прежде всего с первым монархом Европы – императором Священной Римской империи, вероятно, вызвало ассоциацию с определённой эмблемой, выражающей знатность происхождения. Так, двуглавый орел был помещён на русскую государственную печать – атрибут верховной власти и наиболее эффектное место для размещения эмблемы этой власти. По сути дела он отражает тенденцию к созданию доказательств, обосновывающих власть русского государя. О западноевропейском принципе оформления власти свидетельствует и тип печати.

Сюжет лицевой стороны печати – всадник, поражающий копьём дракона, – не является настолько популярным, как предыдущий. В отечественной литературе данная эмблема обычно трактуется как символическое изображение русского воина, защищающего родную землю от врагов [4, с. 123]. Подобная формулировка вносит значительный элемент случайности в подбор важной государственной эмблемы и, естественно, никак не может объяснить причину её появления на государственной печати. Между тем в той же самой степени, как и эмблема оборотной стороны, сюжет лицевой стороны печати Ивана III неслучаен.

Исследователь В. Л. Янин убедительно доказал, что геральдическая эмблема лицевой стороны государственной печати Ивана III является результатом развития сфрагистической композиции русских княжеских печатей. На Руси до Ивана III употреблялись личные княжеские печати. Для последних с начала XV в. типично использование светского сюжета вместо прежнего патронального изображения, свойственного византийским печатям. В качестве изображения на печатях многих русских князей, и в том числе московских великих князей, в XV в. утверждается вооружённый всадник [20, с. 37]. Тенденция изображения всадника на русских княжеских печатях наблюдается с XIII в. Символизированный портрет самого князя, изображаемый в виде всадника на некоторых вариантах великокняжеской печати Александра Невского, сокольник на печатях князя Юрия Даниловича, одного из первых московских князей, — это факты, свидетельствующие о стремлении «заменить чисто духовные сюжеты иными сюжетами, не лишёнными символики светской власти» [20, с. 23].

Изображение вооружённого всадника типично в XIII–XIV вв. и для княжеских печатей Западной Европы. В Восточной Европе оно имеет место в это же время. Вооружённого всадника можно встретить на печатях и монетах литовских князей, на польских печатях. Нередко вооружённый всадник встречается на оборотной стороне больших королевских печатей [16, с. 205].

Утверждение в русской, в частности, в московской, сфрагистике образа вооружённого всадника, представляющего собой персонифицированное изображение князя, взаимосвязано со становлением именно в Московском великом княжестве специфического сюжета — всадника, поражающего копьём дракона. Преемственность в развитии этого сюжета чётко прослеживается на монетах. Связь между русскими монетами так называемого удельного периода и княжескими печатями очевидна, на что неоднократно указывали исследователи [12].

В конце XIV — начале XV в. среди всей массы монет с изображением всадника в Московском великом княжестве появляется группа экземпляров, на которых всадник, держащий в руках копьё, поражает им предмет, лежащий под ногами коня; голову дракона, самого дракона. Интересен вариант, показывающий, вероятно, становление данного типа изображения: всадник держит остриём вниз копьё, под ногами коня — тамга (плетёнка). Постепенно всадник на московских монетах приобретает детали, максимально приближающие его к фигуре, изображённой на лицевой стороне печати 1497 г.: развевающийся плащ, копьё пронзает извивающегося дракона [16, с. 171].

Вопросы распространения культа Георгия на Руси, развитие иконографии этого святого, идейного содержания образа, а также историография темы разработаны в исследованиях В. Н. Лазарева и М. В. Алпатова [2; 6]. В. Н. Лазарев считал, что на русской почве почитания Георгия Победоносца прошло три чётко выраженных этапа: период почитания святого как покровителя князей, их ратных подвигов (X–XI вв.); проникновение культа св. Георгия в народную среду и, в результате, превращение его в эпический образ покровителя земледельцев и скотоводов (XII–XV вв.); изъятие образа из народной среды, придание ему черт исключительности, утончённости, усиление церковно-дидактических тенденций (конец XV–XVI в.) [6].

Стоит отметить, что культ Георгия проник из Византии в Киевскую Русь уже в X в. и получил в дальнейшем самое широкое распространение. В соответствии с идейным содержанием образа менялась его иконография. Исследователи отмечают, что в XIV–XV вв. в изобразительном искусстве Руси преобладал тип Георгия-змееборца. Он сложился в результате проникновения этого культа из княжеской среды, где преимущественно св. Георгий выступал как покровитель князей, особенно в военных предприятиях последних, и изображался в виде стоящего воина с копьем и щитом или с копьем и мечом, в широкой общественной среде. Здесь происходит идейная трансформация образа Георгия, который превратился в доблестного воина, храброго рыцаря, защитника от зла [13]. Поэтому не случайным является возникновение художественного образа всадника Георгия, борющегося со змеем, решительно вытесняющего с XIII в. в изобразительном искусстве предшествующий тип пешего Георгия-воина. Интересно, что, продолжая играть роль покровителя князей, Георгий предстаёт уже в форме, широко распространённой в XIV–XV вв., — в образе Георгия-змееборца. Об этом свидетельствует изображение Георгия, убивающего дракона, на подписной княжеской чаше сына Дмитрия Донского Юрия Дмитриевича [11, с. 53].

В обстановке широкого распространения и популярности культа Георгия как заступника и защитника, своеобразного народного героя, московские князья не могли не использовать

этот образ в качестве своего союзника и покровителя, способствующего поднятию их авторитета. Вероятно, в этом качестве Георгий-змееборец был близок и московским князьям, тем более что традиция прочно связывала образ Георгия-воина с основателем Москвы – князем Юрием Долгоруким, необычайно почитавшим Георгия, что выразилось в строительстве церквей и основании городов его имени.

Почитание Георгия московскими князьями могло также основываться на идее преемственности власти московских князей (через владимирских) от киевских, покровителем которых выступал Георгий-воин. Эта теория, обосновывающая политику московских великих князей, отражающая их древнее происхождение, формируется в конце XIV в. и на протяжении всего XV в. остаётся одной из основных политических теорий Русского государства [19, с. 15]. С другой стороны, в официальной литературе XV в. всё явственнее проступает тенденция утверждения исключительности Москвы, которая, вероятно, должна была обусловить и исключительность покровительства московских князей теми святыми, которые покровительствовали князьям-воинам Киева и Владимира. Этим объясняется, с нашей точки зрения, особое пристрастие московских князей к Георгию-воину. Поскольку наиболее распространённым в указанный период был иконографический тип Георгия-воина в образе Георгия-змееборца, в подобной форме воспринимали московские князья своего покровителя, который, повторяем, в значительной степени обладал чертами чисто светской символики – интерпретировался как герой, защищающий добро от зла. Московские князья переносили на себя не только деяния Георгия-воина, но и его внешний вид, обличье, в котором фигурировал Георгий-воин. Поэтому на московских монетах великий князь так часто изображался в виде всадника, поражающего копьём дракона (без нимба); для большей убедительности изображение сопровождалось буквами *к, к-н* – «князь». Тот же всадник украшал металлические печати Ивана III [20, с. 34].

Итак, эмблема, представляющая собой всадника, поражающего копьём дракона, в XV в. прочно закрепляется за московскими князьями. Таким образом, изображение вооружённого всадника на печати Ивана III продолжает традицию предшествующих ей печатей русских князей, прежде всего московских великих князей. В то же время изображение вооружённого всадника, характерное для княжеских печатей западноевропейских стран этого периода, делает её типичной в общеевропейском масштабе.

Подводя итог, можно отметить следующее: печать Ивана III по сравнению с прежними княжескими печатями, существовавшими на Руси, а также по сравнению с византийскими печатями императоров является новой, прежде всего по смыслу и по идее. Если говорить о типе, то тип двусторонней печати (металлические печати) был характерен для русских князей. Создав свою государственную печать, традиционную по типу (вислая, двусторонняя), с традиционным изображением вооружённого всадника, благодаря новой форме титула, помещению эмблемы двуглавого орла, наконец, оттиску на воске, Иван III приравнял её тем самым к печатям западноевропейским. В то же время нельзя не отметить, что создание печати 1497 г. с символикой, соответствующей концепции официального характера, а именно концепции происхождения власти, символикой, выражающей, с одной стороны, древность, а с другой – знатность происхождения русского государя, отвечало политическим потребностям дня. Официальное оформление тезиса о высоком происхождении русского государя, равенстве его по рождению с западноевропейскими правителями, прежде всего с императорами Священной Римской империи, повлекло принятие соответствующей эмблемы – двуглавого орла. Образ Георгия Победоносца как защитника православия и символа победы над врагом, по-видимому, был рассчитан на «внутреннюю аудиторию». Можно предположить, что создание государственной печати с данными эмблемами должно было служить неопровержимым доказательством права Ивана III на царский титул. Таким образом, эмблемы, занявшие прочное место на государственной печати Ивана III и составившие основу российского государственного герба, в начальный период существования Русского централизованного государства сыграли важную роль в борьбе за утверждение русской государственности.

Список литературы

1. Алпатов, М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. / М. А. Алпатов. – Москва : Наука, 1973. – С. 110–111.
2. Алпатов, М. В. Образ Георгия-воина в искусстве Византии и древней Руси / М. А. Алпатов // Этюды по истории русского искусства. – Москва, 1967. – С. 161.

3. Артамонов, В. А. Герб и флаг России X–XX века / В. А. Артамонов. – Москва : Юридическая литература, 1997. – С. 112.
4. Каменцева, Е. И. Русская сфрагистика и геральдика / Е. Каменцева, Н. В. Устюгов. – Москва : Высшая школа, 1974. – С. 123.
5. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book3074/451047/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 03.08.2019).
6. Лазарев, В. Н. Русская средневековая живопись / В. Н. Лазарев. – Режим доступа: https://www.icon-art.info/bibliogr_item.php?id=95, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 03.08.2019).
7. Лихачев, Н. П. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров / Н. П. Лихачев. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003780882>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 03.08.2019).
8. Лихачев, Д. С. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства / Д. С. Лихачев. – Москва, 1946. – С. 34.
9. Лихачев, Д. С. Развитие русской литературы X–XVII вв. / Д. С. Лихачев. – Ленинград, 1973. – С. 116–117.
10. Лурье, Я. С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI в. / Я. С. Лурье. – Москва, 1960. – С. 388, 390–391.
11. Николаева, Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV – первой четверти XVI в. / Т. В. Николаева. – Москва, 1971. – С. 53.
12. Орешников, А. В. Материалы к русской сфрагистике / А. В. Орешников. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003715331>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 03.08.2019).
13. Рыстенко, А. В. Легенда о Св. Георгии и Драконе в византийской и славянорусской литературах / А. В. Рыстенко. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003762103>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 03.08.2019).
14. Соболева, Н. А. Русские печати / Н. А. Соболева. – Москва : Наука, 1991. – С. 195, 204–205.
15. Татищев, В. Н. История российская / В. Н. Татищев. – Ленинград : Наука, 1968. – Т. 7. – С. 427.
16. Федоров, Г. Б. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I (1359–1425) / Г. Б. Федоров // Материалы и исследования по археологии СССР. – Москва, 1949. – Вып. 12. – С. 171.
17. Хорошкевич, А. Л. История государственности в публицистике времен централизации / А. Л. Хорошкевич // Общество и государство феодальной России. – Москва, 1975. – С. 119.
18. Хорошкевич, А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV – начала XVI в. / А. Л. Хорошкевич. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/757694/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата обращения: 03.08.2019).
19. Черепнин, Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв. / Л. В. Черепнин. – Москва, 1960. – С. 15.
20. Янин, В. Л. Актовые печати Древней Руси / В. Л. Янин. – Москва, 1970. – Т. 2. – С. 23–37.

References

1. Alpatov, M. A. *Russkaya istoricheskaya mysl i Zapadnaya Yevropa XII–XVII vv.* [Russian historical thought and Western Europe XII–XVII centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1973, pp. 110–111.
2. Alpatov, M. V. *Obraz Georgiya-voina v iskusstve Vizantii i drevney Rusi* [The image of George the Warrior in the art of Byzantium and ancient Russia] Studies on the history of Russian art]. Moscow, 1967, p. 161.
3. Artamonov, V. A. *Gerb i flag Rossii X–XX veka* [The coat of arms and the flag of Russia of the X–XX century]. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1997, p. 112.
4. Kamentseva, E. I., Ustyugov, N. V. *Russkaya sfragistika i geraldika* [Russian sphragistics and heraldry]. Moscow, Higher School Publ., 1974, p. 123.
5. Karamzin, N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian state]. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3074/451047/>.
6. Lazarev, V. N. *Russkaya srednevekovaya zhivopis* [Russian medieval painting]. Available at: https://www.icon-art.info/bibliogr_item.php?id=95.
7. Likhachev, N. P. *Nekotoryye stareyshiye tipy pečhati vizantiyskikh imperatorov* [Some of the oldest types of printing of the Byzantine emperors]. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003780882>.
8. Likhachev, D. S. *Kultura Rusi epokhi obrazovaniya Russkogo natsionalnogo gosudarstva* [Culture of Russia of the era of the formation of the Russian national state]. Moscow, 1946, p. 34.
9. Likhachev, D. S. *Razvitiye russkoy literatury X–XVII vv.* [The development of Russian literature of the X–XVII centuries]. Leningrad, 1973, pp. 116–117.
10. Lure, Ya. S. *Ideologicheskaya borba v russkoy publitsistike kontsa XV – nachala XVI v.* [The ideological struggle in Russian journalism at the end of the XV – beginning of the XVI century]. Moscow, 1960, pp. 388, 390–391.
11. Nikolaeva, T. V. *Proizvedeniya russkogo prikladnogo iskusstva s nadpisyami XV – pervoy chetverti XVI v.* [Works of Russian applied art with inscriptions of the 15th - first quarter of the 16th century]. Moscow, 1971, p. 53.
12. Oreshnikov, A. V. *Materialy k russkoy sfragistike* [Materials for Russian Sphragistics]. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003715331>.
13. Rystencko, A. V. *Legenda o Sv. Georgii i Drakone v vizantiyskoy i slavyano-russkoy literaturakh* [The legend of St. George and the Dragon in the Byzantine and Slavic Russian literature]. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003762103>.

14. Soboleva, N. A. *Russkiye pechati* [Russian press]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 204–205.
15. Tatishchev, V. N. *Istoriya rossiyskaya* [History of Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1968, vol. 7, p. 427.
16. Fedorov, G. B. *Dengi Moskovskogo knyazhestva vremeni Dmitriya Donskogo i Vasiliya I (1359–1425)* [Money of the Moscow Principality of the time of Dmitry Donskoy and Vasily I (1359–1425)]. *Materialy i issledovaniya po arkhologii SSSR* [Materials and research on archeology of the USSR]. Moscow, 1949, vol. 12, p. 171.
17. Khoroshkevich, A. L. *Istoriya gosudarstvennosti v publitsistike vremen tsentralizatsii* [The history of statehood in journalism from the time of centralization]. *Obshchestvo i gosudarstvo feodalnoy Rossii* [Society and state of feudal Russia]. Moscow, 1975, p. 119.
18. Khoroshkevich, A. L. *Russkoye gosudarstvo v sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy kontsa XV – nachala XVI v.* [The Russian state in the system of international relations of the late XV – early XVI century]. Available at: <https://www.twirpx.com/file/757694/>.
19. Cherepnin, L. V. *Obrazovaniye Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva v XIV–XV vv.* [Formation of the Russian centralized state in the XIV–XV centuries]. Moscow, 1960, p. 15.
20. Yanin, V. L. *Aktovyye pechati Drevney Rusi* [Actual seals of Ancient Russia]. Moscow, 1970, vol. 2, pp. 23–37.

О НЕКОТОРЫХ ПРОТИВОРЕЧИЯХ И ДИСПРОПОРЦИЯХ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

Савельева Елена Викторовна, доктор исторических наук, профессор
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: elenasava03@gmail.com

Реформы 1860–1870-х гг., названные современниками «Великими», стали важной вехой в истории России. Осуществлявшиеся вскоре после заключения Парижского мира, зафиксировавшего поражение Российской империи в Крымской войне от коалиции западноевропейских держав, во главе с Англией, реформы должны были освободить страну и её экономику от устаревших феодальных порядков, прежде всего от крепостного права. Итоги реформирования были весьма противоречивыми. С одной стороны, реформы дали толчок развитию капитализма, придали ускорение развитию экономики. Но, с другой, будучи, результатом компромисса различных элитных группировок, они носили незавершённый характер и способствовали сохранению пережитков феодализма, что привело к возникновению серьёзных диспропорций и противоречий в развитии страны. Быстрое развитие капитализма в промышленности сочеталось с сохранением прежних феодальных порядков в основной отрасли российской экономики – в сельском хозяйстве. Это выражалось в сохранении дворянского землевладения, выкупных платежей, которыми было обложено крестьянство, общины и т. д. Всё это препятствовало проникновению новых, капиталистических отношений в отрасль. Большая часть помещиков не сумели приспособиться к рынку, но их быстрому разорению препятствовала государственная политика по поддержке дворянства (льготное кредитование, оттяжка платежей и т. д.). Лишь небольшая часть дворян сумела создать на базе своих поместий рентабельные хозяйства и вписаться в рынок. Внутри крестьянских общин назревал конфликт между их зажиточной верхушкой – кулаками, стремящимися к хозяйственному обособлению и остальными членами общины. В промышленности капитализм успешнее развивался в новых отраслях и в районах, ранее не затронутых крепостным правом, например, на юге страны. Бывшие крепостные регионы в пореформенное время испытывали трудности и заметно отставали в развитии от более передовых (например, металлургическая промышленность Уральского региона и т. д.). Серьёзным последствием пореформенного периода стало значительное расслоение в доходах населения. Сохранение крепостнических пережитков и отсутствие рабочего законодательства, нищенская оплата труда позволяли промышленникам и части дворянства стремительно обогащаться. Недовольство существующими порядками порождало широкие протестные настроения, которые служили почвой для деятельности различных революционных организаций, в том числе террористических.

Ключевые слова: Россия, реформы, пореформенный период, капитализм, дворянство, крестьянство, пролетариат, купечество, мещанство

ABOUT SOME CONTRADICTIONS AND DISPROPORTIONS IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE DURING THE POST-REFORM PERIOD

Saveleva Elena V., D. Sc. (History), Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: elenasava03@gmail.com

The Great Reforms of the 1860s–1870s became an important period in the history of Russia. The reforms were supposed to free the country and its economy from obsolete feudal orders, primarily from serfdom. The results of the reform were very controversial. On the one hand, the reforms gave impetus to the development of capitalism, accelerated the development of the economy. But on the other hand, being the result of a compromise of various elite groups, they were incomplete and contributed to the preservation of remnants of feudalism, which led to serious disproportions and contradictions in the development of the country. The development of capitalism in industry was combined with the preservation of the former feudal order in the main part of the Russian economy – in agriculture.